

История литературоведения в технико-институциональной перспективе

DOI: 10.53953/08696365_2025_195_5_355

**Guillory J. On Close Reading / With an annotated bibliography
by S. Newstok.**

Chicago; London: University of Chicago Press, 2025. — X, 134 p.

**Guillory J. Professing Criticism: Essays on the Organization
of Literary Study.**

Chicago; London: University of Chicago Press, 2022. — XVI, 407 p.

Ламентации по поводу современного состояния литературоведения настолько привычны, что кажутся неизбежными при его обсуждении. Указание на кризис этой области научной деятельности как в смысле отсутствия новых «больших» идей, так и в смысле нехватки ресурсов стало общим местом, во всяком случае если дело касается англосаксонских институций (а именно о них будет идти речь в этой рецензии). В обобщенном виде этот нарратив сводится к следующему. Литературоведческие программы в вузах не могут привлечь большое количество студентов, и потому факультеты вынуждены жертвовать ставками и урезать часы. Это практическое соображение побуждает литературоведов заново предъявить *raison d'être* дисциплины как академической, так и неакадемической публике. Отсюда — стремление как переосмыслить «твердое ядро» дисциплины, так и предложить новые исследовательские программы. Дело осложняется наличием множества конкурирующих теоретико-методологических проектов, в основном ориентированных на разнообразные контексты, в которых существует литература. Эти проекты можно назвать реакцией на предыдущие волны кризиса, когда литературоведение, чтобы обрести залог выживания, вступало в альянсы со смежными гуманитарными науками. Опора на них порой мешала навести фокус на дисциплинарную идентичность: литературоведение «растворялось» в таких науках, как антропология, микроистория, социология и др.

Этот кризис и варианты выхода из него составляют основную тему двух книг Джона Гиллори, автора классического социологического описания литературного канона¹. Первая — «Литературоведение как профессия: эссе об организации литературной науки» (2022) — очерк истории возникновения в американских университетах литературоведческой дисциплины, ее институционального функционирования и ее возможного будущего, а вторая — «О пристальном чтении» (2025) — посвящена ее теоретико-методологическим основаниям. Как появилась литературоведческая наука, как развивалась и почему продолжает существовать? В чем ее ценность и сохранится ли она в будущем? Вот вопросы, на которые призваны ответить рецензируемые книги, составляющие в этом смысле своеобразный диптих.

1 Guillory J. Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1993.

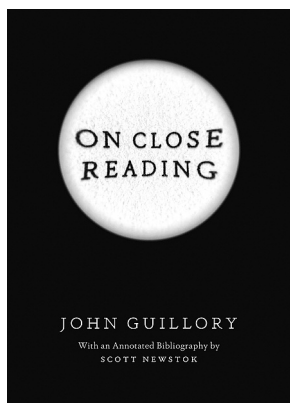
Гиллори пишет о литературоведении не изнутри, а снаружи — с точки зрения социолога науки и культурного антрополога. Иными словами, описывает свое «племя» так, как если бы был «чужаком». Ключевые понятия для него — практика, техника, институция; вокруг них группируются более частные — профессия и дисциплина, класс и ремесло, поведение и когнитивные навыки. Хотя в обеих книгах речь идет о литературоведческих проблемах (литература как феномен модерности, методы анализа художественного произведения), но для их постановки и решения используется метаязык социальных наук. Этот подход подкупает методичностью и техничностью, обещает воспроизводимость и надежные результаты. (Будут ли они полезны туземцам-литературоведам — вопрос другой.)

Истоки литературоведения как научной дисциплины Гиллори обнаруживает в публичной сфере XVIII–XIX веков. Предшественником литературоведа оказывается критик-публицист, нередко выпускник университета, зарабатывающий на жизнь книжными рецензиями. Это профессионал, тот, кто получает за свой труд плату, но еще не представитель профессии литературоведа, которой, как отмечается в «Литературоведении как профессии», даже на рубеже XIX–XX веков еще не было, а книжные рецензии оставались одним из периферийных жанров литературы (с. 45). Задача этого жанра — представить распространенное суждение о литературном произведении, при этом критик позиционирует себя таким же читателем, как и те, кто составляет его аудиторию. У него нет статуса эксперта и права на профессиональную экспертизу: первое должно подтверждаться ученой степенью, второе — владением профессиональным дискурсом, научным метаязыком.

Литературная критика существует в публичной сфере периодических изданий, тогда как академическое литературоведение функционирует в рамках профессионально-институционального поля с присущими ему формами и протоколами профессионализации (обучения профессии). К формам относятся факультеты и кафедры (департаменты), научные институты и издательства, конференции, а к протоколам — преподавание и разработка курсов, подготовка докладов и публикаций, рецензирование и редактирование научных работ, участие в работе экзаменационных и грантовых комиссий. Запрос на протоколы и формы профессионализации внутри соответствующих институтов выдвигает «профессионально-управленческий класс» (Дж. и Б. Эренрайх) — класс узкоспециализированных организаторов производства на разных уровнях, включая производство в сфере культуры. Следуя протоколам, специалист-управленец в сфере производства знания о литературе овладевает «высокоспециализированными навыками когнитивного труда» (с. X) и приобретает право на профессиональную экспертизу.

Когнитивный труд и поведенческие модели в литературоведческой профессии институционально оформлены; в общении с широкой публикой представители институтов просеивают информацию через фильтр «профессионального профиля» — «набора когнитивных навыков, манер, ценностей, усвоенных оценок и культурных отсылок» (с. 42). В оптику этого профиля встроена система ценностно-познавательных смыслов. Если в центре литературной критики находятся вопросы вкуса и суждения (индивидуальных и коллективных), то в центре литературоведческой дисциплины — объект познания, литература как предмет образовательной и исследовательской специализации.

В первой половине XX века, когда металитературный язык формализуется усилиями школы «новых критиков», суждение как додисциплинарная практика уступает место дисциплинарной практике интерпретации, подразумевающей воспроизводимость форматов и методик анализа как условие для подтверждаемости результатов. Основным форматом становится эссе о литературном произведении,

а методикой — так называемое пристальное чтение. В рамках эссе литературоведческий анализ, как пишет Гиллори в книге «О пристальном чтении», понимается в качестве «пропозициональной формы письма» (с. 45), обоснования эстетического суждения с опорой на проверяемые утверждения. Методика «пристального чтения» служит задаче верификации: аргументы критика подкрепляются конкретными текстуальными «свидетельствами». Между литературой и литературоведением возникают взаимоконституирующие отношения: произведение становится основой для критического аргумента, а критический аргумент черпает силу из избранных фрагментов произведения.

Методика «пристального чтения» дает наглядные результаты; ее первое преимущество — способность производить смыслы (*generativity*). Далее, она поддается воспроизведению и передаче — путем объяснения учащимся и подражания педагогу. Ее второе преимущество — «миметический сциентизм»: по сложности и смысловой насыщенности она «соизмерима» (*adequate*, с. 43) с объектом анализа — литературным произведением.

С внешней, институциональной стороны «пристальное чтение» было откликом на конкретный запрос. Оно было призвано очертить профессиональный статус его практиков, сообщить этой группе профессиональную идентичность. И действительно, «пристальное чтение» позволило обособить литературоведение как экспертное, специальное знание с особыми способами добывания фактов и их подтверждения. (Подобный процесс наблюдался и в России благодаря усилиям формалистов.) В то время эта методика была эксклюзивна: разделялась узким профессиональным сообществом, закреплялась в пределах конкретных институциональных пространств и форматов — учебных аудиторий и семинаров. Формализованность, эксклюзивность, ограниченность применения отличали «пристальное чтение» от непрофессиональных видов чтения — для удовольствия, ради сюжета и т.п.²

Именно формализованность, этот наиболее заметный аспект методики, и проблематизирует Гиллори из институционально-антропологической перспективы. Важно не только как, кем и когда определяется тип чтения, но и как и для каких целей он используется. И выясняется, что свое название «пристальное чтение» получило только вместе с широким распространением во второй половине XX века, а наиболее подробное письменное изложение его принципов — в виде шестнадцатиступенчатого алгоритма — появилось лишь в критическом обзоре В. Лича «Американское литературоведение от 1930-х до 1980-х»³. В работах же И.А. Ричардса, У.К. Уимсатта, М. Бирдсли, К. Брукса и Р.П. Уоррена выражение «пристальное чтение» почти не встречалось, да и не было в них личеvской скрупулезности. Иными словами, до рубежа 1980–1990-х годов «пристальное чтение» как понятие и методика встречалось окказионально и не было строго формализовано.

П. Миддлтон в книге «Дистанцированное чтение» пишет, что если попытаться извлечь определение методики из трудов «новых критиков», то окажется, что «при-

2 Эти виды чтения были теоретизированы в работах Р. Барта и П. Брукса: *Barthes R. Le Plaisir Du Texte*. Paris: Seuil, 1973; *Brooks P. Reading for the Plot*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.

3 *Leitch V. American Literary Criticism from the Thirties to the Eighties*. New York: Columbia University Press, 1988.

стальное чтение» — это ярлык для «комплекса практик и предпосылок», «разнородного и по большей части неорганизованного»⁴. Гиллори, впрочем, настаивает, что это не только и даже не столько литературоведческая методика, сколько культурная техника в смысле М. Мосса⁵. Культурная техника представляет собой набор дискретных действий, которые приносят конкретные результаты, изменяют среду вокруг и передаются в обществе. Чтобы овладеть культурной техникой, необходима координация физиологического действия, психологического импульса и социального воображения. Плавание, шитье, езда на велосипеде «укоренены» в работе тела, но предполагают и интеллектуально-стратегическую деятельность. Нередко культурная техника предполагает инструментализацию тела ради когнитивных целей или работу тела в сцепке с материальным инструментом. Такой первичной культурной техникой является речь — здесь инструментом служат формы фиксации речи, довербальные (жестовые) и вербальные, устные и письменные⁶. Чтение — это тоже «гибридная инструментализация» (с. 30) тела и сознания; инструментами выступают и определенным образом настроенное тело, и внешнее расширение языка — материальная форма записи текста (рукописная, печатная, электронная). Чтение как культурная техника предполагает взаимосвязь психофизиологического аппарата, телесного жеста и материально-технологического диспозитива, и академическая техника «пристального чтения» здесь — частный случай.

Культурная техника «пристального чтения» — это «методическое действие» (с. 22), или организованная последовательность действий, которая обеспечивает достижимый и значимый в прикладном плане результат. Нередко «пристальное чтение» сводят к уделению внимания каждому слову, сфокусированности на микроуровне формы, вычленению и описанию дискретных формальных единиц для последующего извлечения из них смысла. Если говорить об инструментальном аспекте техники, очевидно, что эти микрожесты сцеплены с конкретной медиатехнологической формой бытования текста — печатной страницей. Возвращение к отдельным словам, прочитывание вслух, обведение повторяющихся единиц карандашом или иная форма графической фиксации обусловлены выразительными возможностями печатного медиума. (То же происходит и при работе с издательским макетом печатной книги.)

В плане же содержательно-дисциплинарном «пристальное чтение» — это «минимально формализованная техника» (с. 47) — при всех поздних попытках ее алгоритмизировать. Она открывает широкое пространство для импровизации и для уникального артистического перформанса, в котором в полной мере проявятся харизматичность и субъектность критика. В каком-то смысле отсутствие строгой формализованности и обеспечивает возможность высокого мастерства (а не просто технической выучки). Оно заключается, в частности, в том, чтобы ощущать тонкую, трудноуловимую грань между интуитивным прозрением и техническим процессом анализа — и на ней балансировать.

«Понимание элементарных особенностей текста, — пишет Гиллори, — устремлено к тому, чтобы <...> сопрягать эти особенности с более интегративными смысловыми структурами». Проявление этой скрытой связи «составляет инфраструктуру

-
- 4 Middleton P. *Distant Reading: Performance, Readership, and Consumption in Contemporary Poetry*. Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press, 2005. P. 5.
 - 5 Мосс М. Техники тела // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. С. 305–326.
 - 6 См.: Leroi-Gourhan A. *Le Geste et la Parole*. Paris: Albin Michel, 1964. См. также: Арсеньев П.А. Жест и инструмент: к антропологии литературной техники // Транслит. 2018. № 1 (21). С. 54–64.

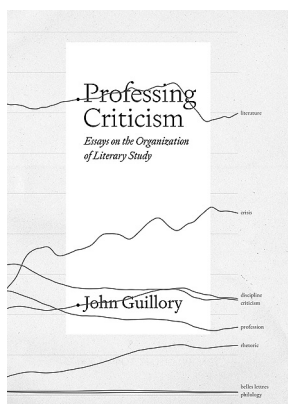
для последующей интерпретации» и происходит так же, как «у архитекторов-модернистов на передний план выходит скрытая инфраструктура самого здания» (с. 59). Сегодня обнаружение скрытой связи между «небольшим сегментом текста» (с. 58) и смысловой системой высшего порядка концептуализируется при помощи метафорических понятий паттерна и сети. Они используются для объяснения взаимосвязи поэтики отдельных приемов и более глобальных структурных образований, таких как жанр или дискурсивные закономерности, установленные путем обработки «больших данных». Но именно культурная техника «пристального чтения» формирует навык поиска «резонансных» соответствий между локальными литературными фактами и глобальными контекстуальными рядами, что и делает ее востребованной в профессиональном сообществе.

В медиатехнологическом плане техника «пристального чтения» является реакцией на массовизацию чтения и возникновение новых — тоже массовых — медиа: радио, кино, телевидения. В этом смысле она находится в специфической культурной ситуации: литературная компетенция является массово разделяемой, а литературные сюжеты циркулируют в массовых аудиовизуальных медиа, и знакомство с первыми нередко бывает ограничено последними. Далее, массовая медиакультура нередко ассоциируется с рассеянным потреблением культурной продукции. Точнее было бы сказать, что в ней культивируются специфические формы фонового внимания. Чередование вовлеченности и отвлеченности создает «сложное нарративное удовольствие», связанное с «развертыванием повествования» (с. 74), что напоминает «непристальное» чтение романа.

Структуры сосредоточения и ослабления внимания соотносены с «технологическим артефактом», и исторически конкретное распределение этих структур в медиатехнологических диспозитивах Гиллори определяет как квинтэссенцию «опыта модерности» (с. 75) в данный момент времени. Раньше, до медийной революции XX века, способом эскапического бегства от повседневности была литература, сейчас же эту функцию выполняют кинофильмы, видеоигры, подкасты и т.д. В этих условиях потребитель литературы осваивает формы пристального внимания и соответствующую технику чтения. «Пристальное чтение» теперь — относительно элитарный, но необходимый противовес многообразию массовых форм фонового внимания и извлечения доступных смыслов. Для этой культурной техники характерны распространенность в сообществе профессиональных и полупрофессиональных читателей, некая эксклюзивность и статус потенциального источника оригинальных, творческих смыслов.

Почему же «пристальное чтение» если и не теряет популярность в современном литературоведении, то становится проблематичным в качестве дисциплинарной методики? Так бывает, что преимущества в какой-то момент оборачиваются недостатками. Это и стало происходить с «пристальным чтением» уже во второй половине XX века, во время дальнейшего развития и спецификации литературной науки. Обратная сторона высокой производительности «пристального чтения» — переизбыток интерпретаций и перенасыщенность аналитических описаний деталями (в случае с исследованием микроформ в больших произведениях). Обратная сторона миметизма — упрощение и огрубление техники, пусть даже она и распространена в пределах узкого профессионального сообщества. Интерпретация с использованием техники «пристального чтения», как пишет Гиллори в посвященной ему книге, подобна игре на пианино: ее «можно исполнить виртуозно», а можно «превратить в посредственное техническое упражнение» (с. 70).

В 1960-е годы литературоведы заходят в тупик: производство интерпретаций поставлено на поток, превращено в рутину и не обещает новизны результатов.

литической. В зонах контакта металитературного языка с этой «актуальной» реальностью возникают альтернативные дисциплинарные объекты: означающее и означаемое, субъект, дискурс (с. 62). А для сцепки их с метаязыком понадобился интенсивный импорт теоретических концепций из таких наук, как философия, социология, антропология. Отныне литературовед, профессиональный исследователь текстов прошлого, вправе использовать аналитические проекции для объяснения происходящего в настоящем, выявления проблем в тех или иных областях с позиции ученого.

Конечно, и у постструктуралистского поворота «назад к вещам» была своя цена. В частности, за него пришлось заплатить утратой единого дисциплинарного объекта. С этого времени специфика дисциплины литературоведения «заключалась в ее методах, а не в предметах изучения» (с. 62). Методы и сами становятся предметом критического анализа литературоведа. Именно тогда «пристальное чтение» и получает впервые строго формализованное описание. Теперь оно — одна из базовых методик чтения в вводных литературоведческих курсах школьного или университетского уровня образования. Культурная техника «пристального чтения» не потеряла значимости, однако методика стала в профессиональном смысле массовой. Основанные на ней продвинутые (и более нишевые) методологические проекты и методические решения внешне соперничают, а внутренне продолжают все тот же проект, будь то «герменевтика подозрения» П. Рикёра или «посткритическое чтение» Р. Фелски, «поверхностное чтение» Ш. Маркус и С. Бэста или «дальнее чтение» Ф. Моретти. В гуманитарных науках возникает, по выражению И. Ситтона, «плюралистическое понимание чтения, признающее комплементарную <...> природу пристального чтения, дальнего гиперчтения и машинного чтения»⁷. Этот широкий спектр дисциплинарных методик производит эффект «супермаркета»: все нишевые методики тоже становятся доступными. Достаточно образованный

7 Citton Y. The Ecology of Attention. London: Polity, 2017. P. 148.

аспирант подходит к материалу с оглядкой на богатое «меню» теоретических подходов, в котором можно выбрать любое количество рабочих инструментов. Многообразие методов и «грамотный технологизм»⁸ привели к тому, что профессионалу нужно освоить и усвоить репертуар «трюков» и применять их в зависимости от ситуации, — в то время как дисциплина в целом осталась без магистрального метода.

Отсюда — кризис легитимации литературоведения. Если существующие методологические основания и методики слишком растражированы и не обещают нетривиальных результатов, то на что опереться? И если у дисциплины нет единых объекта и методологии, тогда чем обосновано ее существование? Внутреннему соответствует внешний, институциональный: перепроизводство высококвалифицированных кадров и недопроизводство рабочих мест плюс возникновение промежуточных — временных и нестабильных — форм профессиональной занятости вне штата (таких, как преподавание курсов «почасовиком» и короткие стажировки в статусе «постдока»). Умеющий работать с различными дисциплинарными объектами и методологическими «ключами» к ним, литературовед обменивает свои высокоспециальные навыки и экспертизу на срочные «заказы» — предложения прочесть семестровый курс в престижном университете или создать цикл статей в рамках локального проекта. При том, что литературоведческое образование доступно и предлагает широкий перечень компетенций (в том числе междисциплинарных), такая «уберизация» академического рынка обесценивает высокую квалификацию (ученую степень). В результате формируется «полуавтономное» (с. 271) профессиональное сообщество аспирантов и докторов наук, не нашедших постоянной позиции, но зато владеющих «пристальным чтением» и другими литературоведческими методиками. Они участвуют в исследовательских семинарах, совместно анализируя произведения.

Один из возможных выходов из сложившегося кризиса Гиллори видит в том, чтобы вернуть эту «нишевую» (с. 275) академическую публику в широкую публичную сферу, то есть разомкнуть сферу деятельности литературоведов от производства узкой экспертизы к производству общественно значимого знания о культуре (тем самым продолжив проект постструктурализма). В институциональном плане это означает создание альтернативных институций для трансляции публичного знания (образовательных интернет-порталов, летних школ и пространств-музеев, межфакультетских курсов в вузах), а в концептуальном — новую массовизацию «пристального чтения».

Другой вариант — переизобретение дисциплины. Взамен литературного текста как утраченного дисциплинарного объекта предлагается новый: литература в соотношении с медиасистемой эпохи (с. 81), или литературный текст как медиатекст. Это значит, что литературный текст должен рассматриваться не только как языковой и/или исторический феномен, но и как медиафеномен, выразительная форма которого связана с экспрессивным потенциалом конкретного носителя информации (устного слова, рукописного, печатного или электронного текста), а его исследователь — медиолог — должен сосредоточиться на взаимосвязи практик «чтения, письма и говорения» внутри литературной медиакультуры (с. 207). Это поможет распознавать не только смыслы произведений, но и их эффекты. Так, повествовательная форма большого романа XVIII–XIX веков возникает внутри печатной медиакультуры и оттого получает широкое распространение. Периодический

8 См.: Венедиктова Т. Актуальная метафорика чтения (попытка описания) // Новое литературное обозрение. 2007. № 87. С. 468–478.

журнал способствует сериализации произведения, что приводит к созданию особой системы приемов (неожиданные сюжетные повороты, многоуровневые сюжетные линии и др.). Роман сводит в единый фокус практику единовременного массового обращения к «воображаемому сообществу» (народу) и практику частной, интимной коммуникации между автором и читателем в уединенном кабинете. Массовая печать романов в сочетании с дискурсивно-коммуникативными практиками внутри этой формы превращает ее в «экран для мифологической проекции конструктора “национальной культуры”» (с. 209).

Конечная цель такого медиа-антропологического анализа — реактуализация культурных памятников (в смысле Э. Панофского) — «артефактов, событий или идей, обладающих важным значением для нас в любой момент времени» (с. 107). Работая с «памятником», медиолог, по сути, решает герменевтическую задачу: реконструирует проблему прошлого, ответом на которую является текст как медиа-форма, и выявляет в этом анализе неявные тенденции настоящего. Медиалогия как возможное будущее литературоведения, конечно, будет подразумевать расширение спектра методик чтения. Возможно, «пристальное чтение» как техника соотношения частных и системного целого станет здесь элементом методологической основы.

Хотя «диптих» Гиллори и описывает зарубежные реалии, он все же представляет интерес и для российского читателя. Сильная сторона выбранного автором антропологического подхода — «насыщенное описание» эпистемологических программ и институциональных аспектов литературоведения в их тесном переплетении. Предложенный же им проект переизобретения дисциплины кажется утилитарным и, пожалуй, вторичным по отношению к антропологическому очерку технико-институциональной истории литературоведения, составляющему главное содержание обеих книг.